

«ПЕРВООЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА — РЕФОРМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ».*Интервью**Ярослав Кузьминов**На вопросы Виталия КУРЕННОГО отвечает Ярослав КУЗЬМИНОВ, ректор Государственного университета — Высшей школы экономики***Насколько важна сейчас проблема интеллектуальной собственности?**

Она является ключевой для современного общества. В развитых странах около 30% ВВП производится так называемой «новой экономикой» — экономикой, основанной на знаниях. Причем этот сектор растет колоссальными темпами. Сейчас уже и в России крупные предприятия могут приобретаться с одной целью — получить доступ к технологии ноу-хау, которой обладает один-единственный цех на этом предприятии. Весь остальной объект для нового собственника не представляет никакого интереса.

Это совершенно новая проблема?

Интеллектуальная составляющая присутствует в самых элементарных экономических взаимодействиях. Возьмем простейший пример: лес, в котором растут грибы, посещают два грибника. В этом случае между ними возникают конкурентные отношения. Но эти отношения связаны не с самими грибами, а с информацией, т. е. со знанием грибных мест. Уже здесь, таким образом, появляются транзакционные издержки по информации — необходимо хранить это знание в тайне от конкурента, и т. д.

Как изменяется эта ситуация с появлением отношений собственности?

Возникновение отношений собственности — сложная история, вкратце описывая которую мы получим примерно следующую картинку. Сначала у нас есть крестьянин, который вкалывает на земле, и есть бандит, который получает с этого крестьянина разные блага, действуя грабежом и насилием. Таких бандитов поначалу много, но потом один из них оказывается сильнее других, он берет под контроль всю эту территорию. Появляется так называемый «стационарный бандит», логику поведения которого описывает модель МакГира — Олсона. Раньше этот бандит занимался грабежом, руководствуясь элементарным соображением «если не я, то другой». Теперь же он начинает призадумываться: ограбись сейчас дочиста, не получишь ничего потом. Именно в этот момент возникают правовые отношения, и вместо бандита у нас появляется собственник, который начинает устанавливать соответствующую систему отношений. Объектом этих отношений поначалу выступает земля — или крестьяне, в зависимости от того, какой из этих ресурсов более редкий. Но дальше начинают происходить очень интересные вещи.

На том месте, где раньше было поле, поставим теперь вышку и начнем качать нефть. Владельцы соседних участков делают, конечно, то же самое. Но выясняется, что хотя земля у нас разная, нефтяной пласт — один на всех. Вышки начинают выстраиваться буквально друг против друга вдоль границ участков. Нужно как можно быстрее откачать нефть у соседа, потому что в противном случае он выкачает твою. Получается, что собственность приобрела еще одно измерение — раньше мы думали, что она распространяется только на клочок двухмерной поверхности, а теперь выяснилось, что у нее есть еще и третье измерение. Но этим дело не заканчивается.

Когда нефть выкачали, наш нефтяник провел рекреационные работы, продал землю и поехал загорать на теплый курорт. На этой земле теперь поселился г-н Смит, который поставил там шезлонг и отдыхает. Но вот поблизости — вовсе не на его земле — построили аэропорт. Самолеты не летают над землей Смита, но, тем не менее, они ему сильно досаждают. В результате в 1946 году начинается судебный процесс «Джон Смит против Соединенных Штатов Америки». Это процесс по поводу того, что экономисты называют негативными экстерналиями. Собственность, таким образом, приобрела еще одно измерение. И собственность постоянно обрастает такими новыми измерениями. Одним из них как раз и является знание и информация.

В обыденном сознании представление о собственности связывается непосредственно с объектом. В действительности же речь идет о сложной системе прав и титулов собственности. Мы не можем просто привязать собственность к какому-то объекту, потому что не знаем всех измерений этого объекта. Экономическая история как раз и фиксирует сдвиги в титулах собственности — они изменяются по мере того, как одни измерения собственности деактуализируются, а другие приобретают все большее значение.

Какие же измерения приобретают актуальность?

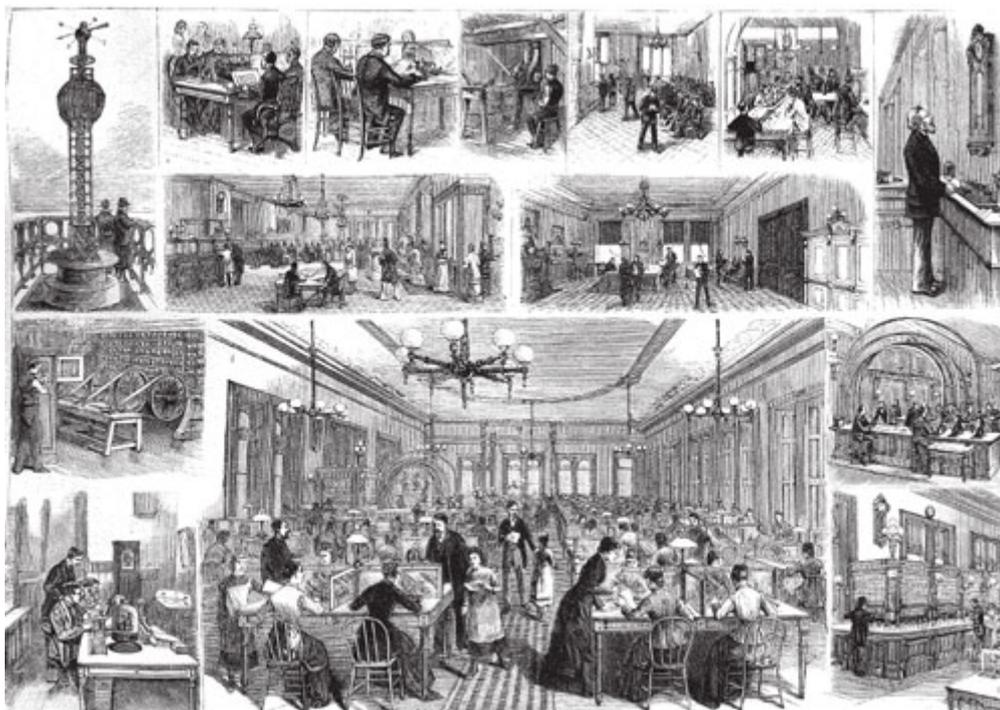
Отношения собственности все в большей степени смещаются в нематериальную сферу, в область инноваций и «знания как». Основной вызов XXI века связан именно с этим. Ставится под сомнение классическое понимание титула собственности как исчерпывающих прав на нее. В соответствии с классической концепцией собственности, порядок в обществе существует постольку, поскольку права собственности четко определены, а экономические агенты обладают полным и неограниченным правом собственности. В противном же случае возникает неопределенность, нестабильность и другие негативные эффекты. Но, как выясняется, применение этого простого правила к инновационной экономике в свою очередь может иметь весьма серьезные негативные последствия. То есть безусловные, полные и неограниченные титулы собственности препятствуют экономическому росту. Об этом пока можно говорить только как о гипотезе, но в обоснование этой гипотезы можно представить уже довольно веские аргументы.

Начнем с простого примера. Если бы на «Войну и мир» продолжали сохраняться полные и неограниченные права собственности, то роман прочло бы на порядки меньшее число людей, чем это имеет место сейчас. Наследники Толстого могли бы потребовать возвращения им полноты своих прав. Учитывая размер возможной прибыли, множество адвокатов взялось бы за это дело с необычайным рвением. Так вопрос, к счастью, не ставится. Потому что мы хорошо понимаем, что обращение с продуктами культуры подчиняется особым этическим правилам. Это этика интеллектуальной, вообще творческой деятельности, в соответствии с которой действуют как художники, так и ученые. Мы считаем естественным в этой сфере такое распределение прав собственности, которого никогда бы не допустили, скажем, относительно нашего садового участка. Томас Джефферсон, сам, кстати, изобретатель, однажды заметил по этому поводу: «Тот, кто взял мою идею, сам приобрел знание, не убавив мое, так же, как тот, кто поджег свой фитиль от моего, обрел свет, не погружая меня во тьму».

На стороне такого отношения к интеллектуальной собственности стоит теория, в соответствии с которой культурные блага являются не частными, а общественными, относятся к «public domain», а потому и права на них должны принадлежать обществу в целом.

Но художникам и ученым также нужно что-то есть. Если все, что производят творческие люди, просто поглощается обществом, то творческие люди вскоре вымрут.

В настоящее время, в связи с ростом доли интеллектуальной составляющей в экономике, эта проблема встает особенно остро. Могу привести простой пример из нашей практики. В нашем университете даже случилась интеллектуальная баталия по этому поводу. Дело в том, что ГУ-ВШЭ практически единственный вуз в стране, который открыто вывешивает в Интернете свои учебные программы: мы считаем, что пока другие будут их списывать, мы придумаем что-нибудь получше. Но в Школе есть подразделение, которое лучше всех зарабатывает деньги — это Высшая школа менеджмента. Преподающие там замечательные специалисты как раз и отстаивали ту точку зрения, что коль скоро они зарабатывают своими лекциями, то их права, их титул собственника на эти лекции должен быть полностью защищен. Для публичного использования они готовы выкладывать только неактуальные для них самих материалы и только тогда, когда они сами посчитают это возможным. Таким же образом рассуждают и многие мои коллеги ректоры, не готовые открывать свои учебные планы. Они рассматривают их как ноу-хау, приносящее доход их учреждениям.

В этих спорах обнаруживаются весьма существенные сдвиги, происходящие в культуре. Для классического производителя культурных ценностей — скажем, для Ньютона — творчество не было источником существования. Его доход не зависел от акта творчества. Сейчас же интеллектуальное творчество становится основным источником существования все большего числа людей. Для них творчество — это не возвышенное парение духа, а бизнес, и это явление приобретает все более массовый характер.

Изменилась, кроме того, организация интеллектуального производства. Сейчас оно отличается от своего классического состояния невиданно выросшим масштабом и, как следствие, коллективными формами организации. В гуманитарных науках это сказывается в меньшей степени, но в естественных науках, в сфере научно-исследовательских и конструкторских работ (НИОКР) производство знания уже давно организовано как большая фабрика^[1].

Можно ли найти какой-то компромисс между двумя противоположными установками — творческой и экономической?

На этот счет могу предложить такую микротеорию. В соответствии с ней «обыкновенные» потребности творческого человека должны удовлетворяться на уровне достаточности. Можно говорить о социально приемлемом уровне потребления, примерно соответствующем потреблению в кругу общения интеллигента. Можно даже предложить эмпирический критерий — чтоб жена не пилила. Если этот уровень достигнут, то другие блага творец получает в виде того, что я назвал бы академической надбавкой. Что это такое, хорошо выразил один физик: «Представляете, они мне дают возможность заниматься таким интересным делом, да еще и платят за это деньги». Люди, которые работают в университетах, получают там, конечно, деньги, но живут они там не для этого. В какой-нибудь фирме — где труд менее творческий, более монотонный и сопряжен с рисками определенного рода — они получали бы больше. Но они сознательно идут на ограничение своего экономического благополучия некоторым приемлемым уровнем. Мы можем даже легко вычислить денежный эквивалент нашей академической надбавки, посчитав разницу в доходах сотрудника университета и успешной коммерческой фирмы. Иными словами, за акт своего творчества эти люди не требуют оплаты помимо той, что обеспечивает им социально-приемлемый уровень существования. Они компенсируют это признанием коллег, удовольствием от творческого труда и т. п.

Какие негативные последствия имеет распространение полного права собственности на сферу интеллектуального творчества?

Возьмем для сравнения стратегию IBM и Apple Computers. Компания Apple в свое время сделала необычайный рывок вперед, ее технология была намного более совершенной, чем IBM. И руководители Apple решили извлечь максимальную ренту, защитив свою технологию и сделав ее недоступной для других участников рынка. С другой стороны, IBM не скрывала свою технологию, она решила проводить политику открытого доступа. В итоге Apple все больше вытеснялась с рынка, несмотря на свое первоначальное опережение, тогда как технологии, доступ к которым

был открыт IBM, стали доминировать. Монополия стратегия Apple — пример того, как старое представление о собственности в новой экономике может тормозить не только технологический и экономический рост, но и доходность отдельного предприятия. В чем-то это похоже на попытки Кольбера и Елизаветы Петровны догнать Голландию и Англию, учредив мануфактуры в условиях феодальной экономической системы. Эта попытка создания крепостной мануфактуры была обречена на провал, поскольку новое мануфактурное производство не может эффективно работать, пока сохраняется прежняя система феодальной собственности. Но в тех условиях причины провала были не так очевидны, как сейчас причины неуспеха рыночного проекта Apple. На основании этой аналогии можно сказать, что ныне мы также переживаем смену объекта и системы отношений собственности. Объект становится нематериальным, что требует и изменения отношения к структуре обеспечения прав собственности. Вернее сказать, статичный объект замещается динамичным объектом, существует как процесс. Получение дохода от инноваций связано не с закреплением титула — ибо коллекционирование патентов будет подобно собиранию старых фотографий или, вернее, старых газетных заметок.

Получение дохода в постоянно меняющемся обществе связано с временной монополией на язык, на контекст инноваций — ибо спрос идет по «заповеданным дорожкам» технологических и организационных стандартов. Потребители выбирают не только самые эффективные, но и наиболее доступные стандарты. Предложивший стандарт заинтересован в максимально широком его распространении, а это часто связано с превращением его в открытую собственность, в public domain. Извлечение дохода опирается на технологическое лидерство «внутри стандарта», обеспеченное не только изначальным первенством, но и постоянными усилиями. Рентные доходы постепенно уходят в прошлое.

Общество реагирует на эти изменения?

Общество пошло на ограничение продолжительности закрепления титулов на нематериальные объекты. Авторское право ограничено во времени, оно не может бесконечно передаваться по наследству. А ведь могли бы утвердить такого рода права и навсегда. Это первый признак смены системы отношений собственности, подобным симптомом конца Средневековья было появление мелких рынков. Классический постулат о неограниченных правах собственности уже не применим безоговорочно к авторским правам. Это поразительный факт, потому что никто не обобществляет дома после того, как они перешли в собственность, скажем, к третьему поколению владельцев. Но необходимость ограничения абсолютных прав собственности в интеллектуальной сфере становится сейчас все более и более очевидной.

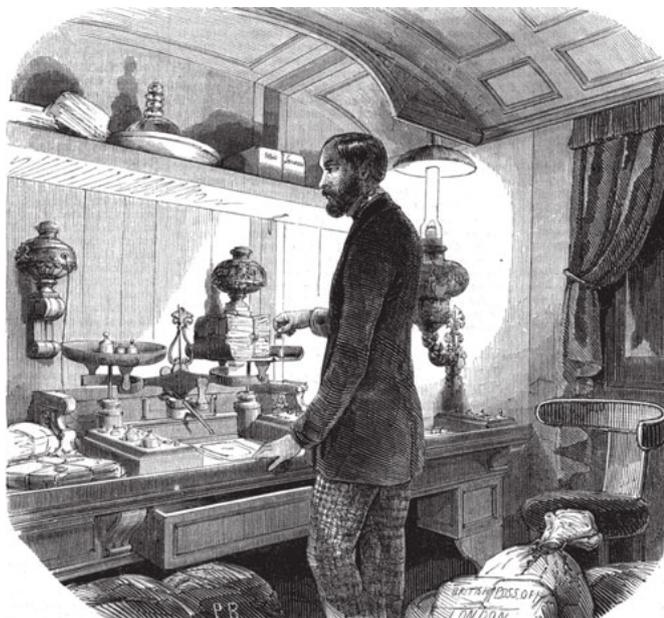
В качестве стимула здесь выступают чисто экономические или же социальные отрицательные эффекты? В частности, требования ограничения прав собственности на медикаменты для бедных стран, где люди не способны приобретать дорогостоящие лекарства, обосновываются социальными и этическими аргументами.

Я сужу как экономист, но с моей точки зрения экономическая эффективность в данном случае не противоречит социальной справедливости. Никто, допустим, в уютной Швеции не хочет, чтобы к их берегам одним прекрасным утром прибыли деревянные плоты, нагруженные больными СПИДом африканцами. Логика ограничения авторского права применительно к беднейшим странам замечательно вписывается в траекторию оптимизации экономического развития как отдельной страны, той же Швеции, так и всего человечества в целом. Конечно, эту ситуацию можно рассмотреть и в моральных категориях, но и со строго экономической точки зрения мы также придем к выводу, что указанная политика по отношению к бедным странам является строго обоснованной. Всякая мо раль, в конечном счете, связана с потребностью воспроизводства социума. С рациональной точки зрения, учитывающей долгосрочную перспективу, технологический разрыв между богатыми и бедными странами в настоящее время воспринимается уже как угроза, которую нужно каким-то образом предотвращать.

Но даже безотносительно к этой проблеме ограничение доступа общества к результатам интеллектуальной деятельности сразу же приводит к потерям как для общества в целом, так и для отдельных его членов. В том числе для самих держателей титулов и прав собственности.

Существует ли экономическое объяснение для последнего случая?

Охрана прав собственности сопряжена с ненулевыми, положительными транзакционными издержками. Это издержки поиска информации, издержки охраны и защиты прав собственности, издержки выбора и т. д. Если число сделок по поводу интеллектуальной собственности стремительно возрастает, то как субъект с ограниченной рациональностью я просто не буду успевать рационально обрабатывать все операции и транзакции, возникающие по поводу моей интеллектуальной собственности. Я не смогу ее правильно оценить. Я буду напрасно ждать, когда мою собственность купят за сто рублей, тогда как, продав ее за десять копеек, я бы уже давно заработал миллион. Все дело в том, что я не буду успевать это понять.

Один из основных факторов, с необходимостью заставляющих нас переходить от безусловных прав собственности на интеллектуальную продукцию к ограниченным, — это неимоверное возрастание информационной нагрузки в современном обществе. Человек уже не справляется с таким потоком информации. Поэтому целесообразно дать возможность творцу некоторое время пользоваться результатами своего труда, чтобы он мог создать новый продукт, после чего открывать эти результаты для свободного использования обществом. Кстати, и сам творец в таком случае сможет свободно пользоваться результатами интеллектуальной деятельности других людей, что будет повышать эффективность его собственной дальнейшей работы. Сейчас активно ведутся эксперименты с гибкими системами *royalty* (отчисления авторских гонораров). Например, заплатив очень небольшие деньги, можно купить почти любую музыку в Интернете. Если бы такой возможности не существовало, авторы оказывались бы совершенно беспомощными перед воровством, которое во многих случаях просто невозможно пресечь.

Если бы компании Microsoft удалось каким-то образом соблюсти права на свою интеллектуальную собственность в России, то большая часть компьютеров у нас просто перестала бы работать.

Очевидно, в этом случае проблема решается просто. Невозможно получить прибыль, назначая заведомо неприемлемую для потребителя цену. Зарубежные производители программного обеспечения уже приходят к пониманию того, что если в России они получают за свой продукт пять долларов, то это уже большой успех, хотя в своих странах для них нормально получать за него сто долларов. Здесь ведь не стоит вопрос: давать или не давать. Вы уже предоставили свой продукт, он уже есть у потребителя. На мой взгляд, на этом рынке уже очень скоро будет достигнуто равновесие между ущербом, который может нанести владельцам нелегальных копий программного обеспечения его создатель, и той ценой, которую готов заплатить человек в России для того, чтобы этих неприятностей избежать.

Намного более сложная ситуация не с массовым интеллектуальным продуктом, а с уникальным, — с патентами и т. д. Во всем мире здесь ситуация неблагоприятна. Но у нас она вообще уникальна. Почему-то в последнее время наша Генеральная прокуратура озабочилась тем, что при приватизации предприятий государство ничего не получило за интеллектуальную собственность. Можно подумать, что государство хотя бы раз предприняло попытку воспользоваться своим титулом собственности!

У нас до сих пор нет окончательной ясности в вопросе о том, кому должны принадлежать права на интеллектуальную собственность, полученную за государственный счет. Какое решение этого вопроса было бы оптимальным?

Права на интеллектуальную собственность, созданную с участием государства, на мой взгляд, должны принадлежать коллективам разработчиков. В отличие от чиновников, эти люди понимают, что можно с ней сделать, как обойтись с ней наиболее эффективно. Чтобы это знание как-то работало, нужно понимать, в чем оно состоит. Государству не нужно пытаться показать, что оно может хорошо делать то, что оно делать не может.

Но разработчики могут сидеть на своей интеллектуальной собственности как собака на сене. Государство же вольно дать ей свободный ход — для нужд того же малого бизнеса и т. д.

Для этого государство должно понимать, что оно хочет, и оно должно иметь инструмент для реализации своих целей. Но если этого нет, то с этой задачей лучше справятся те несколько человек, которые понимают, с каким знанием они имеют дело и как его лучше применить. Если это возможно, они сами организуют свой инновационный бизнес. А вот когда они добьются (или не добьются) успеха, можно говорить о свободном доступе к их открытиям.

Есть ли у России какие-то перспективы прорыва в экономике, основанной на знаниях?

На мой взгляд, у России есть шанс войти в число, так сказать, стран-победительниц в новой экономике. Хотя этот шанс возникает в силу одного весьма неблагоприятного обстоятельства. Дело в том, что для нас полностью отрезан путь, связанный с национальными инвестициями в материальные активы. Никто не будет здесь вкладывать деньги в высокотехнологичное производство: поедут к китайцам или малайцам, где все это будет дешевле и качественнее. В Юго-Восточной Азии, во-первых, умеют работать руками, а во-вторых, там гораздо выше трудовая мораль и производственная дисциплина. В-третьих, там уровень зарплаты ниже, чем у нас. Наша ситуация в чем-то напоминает положение Германии после Второй мировой войны. Она была почти полностью разрушена бомбардировками, а мы вдобавок еще и вывезли все оставшиеся там станки. У них просто не было возможности строить экономику на старых станках. Немцам пришлось сразу создавать новые. Но именно это обстоятельство и позволило Германии совершить экономический рывок. Они инвестировали в самые новые технологические решения, а поскольку денег у них первоначально было немного, они проводили очень тщательный отбор этих решений по эффективности. У нас сейчас также нет ни малейшей возможности добиться подъема в традиционных секторах экономики — обрабатывающей и т. д. Но есть развитый интеллектуальный сектор и богатая культура. А новое поколение технологий в XXI веке — это экономика, основанная на творчестве в производстве (создание инноваций) и в потреблении (так называемая экономика впечатлений).

Наличие такого шанса, однако, еще не означает, что мы им воспользуемся. Пока это только негативная возможность (гарантированный неуспех в традиционных отраслях). Но если мы им не воспользуемся, последствия для нас могут быть самые плачевные после того, как закончатся те натурпродукты, которыми в избытке наградила нас природа.

Именно поэтому проблемы, связанные с вызовами этой новой экономики, являются более насущными, чем, в частности, проблема большего или меньшего регулирования экономики. Тем более что государственные инструменты как регулирования, так и дерегулирования у нас таковы, что к ним лучше вообще не прибегать. Проблема новой экономики даже более важна, чем болезненные проблемы социальной политики. Важно не только инвестировать в модернизацию правовых институтов (что, конечно, чрезвычайно важно). Первоочередная задача — реформа интеллектуальных секторов экономики. Ее цель — построить такое институциональное окружение, которое бы эффективно отбирало способных к творческому труду, к созданию инноваций, правильно бы их обучало и обеспечивало в дальнейшем необходимыми ресурсами для творческой работы.

С чего здесь нужно начинать?

Эти реформы чрезвычайно просты. Учителю в школе, врачу в больнице, профессору в университете, исследователю в лаборатории должен быть обеспечен тот социально-приемлемый минимум обеспечения, о котором мы говорили. Только в таком случае может прекратиться неблагоприятный отбор, и туда пойдут люди, которые действительно призваны заниматься этим делом. Которые ценят «академическую премию». Только действия в этом направлении, на мой взгляд, существенно продвинут Россию по пути реформ. Речь идет о восстановлении науки, образования и здравоохранения как секторов, в которых идет процесс массового творчества. Ключевой элемент в этой системе — это, конечно, образование. Именно оно формирует людей, способных порождать и воспринимать инновации. К сожалению, за годы ускорения,

перестройки, либерализации, монетаризации и проч. российские университеты превратились в огромные техникумы с пятилетним сроком обучения. Большинство работающих там людей никакими инновациями сами не занимаются.

Но простое повышение уровня доходов может привести и к обратному эффекту: эта система, не способная к инновациям, будет просто заморожена в своем нынешнем состоянии, она может превратиться в законсервированную цеховую организацию. Университет переживал такие эпизоды в своей истории.

Да, можно вспомнить советское время — тогда в систему НИИ и университетов шли дети влиятельных родителей, а не те, кому надо было бы там находиться. Повышение гарантированных доходов в университетах должно быть рациональным, учитывать «академическую премию». Это спасет университеты от наплыва новой «золотой молодежи» — тем более что для нее в буржуазной России есть множество куда более приятных мест.

К тому же сегодня стоит задача не только улучшения условий творческой работы в образовании и науке, но и отсева тех, кто к творческой работе не способен. Таких преподавателей в вузах России, согласно данным статистики, 80%. Это те, кто не ведет собственные исследования, а пересказывает чужие учебники. По опросам руководителей вузов, которые склонны скорее приукрашивать ситуацию, у них 40% преподавателей не способны вести научные исследования вообще.

Повышение базовой зарплаты «для всех» нужно сочетать с отдельной поддержкой исследований. Как состоявшихся — в виде денежной «академической надбавки» за факт публикаций в журналах, имеющих репутацию. Так и актуальных — в виде персональных и коллективных грантов. Мы в Высшей школе экономики начали использовать такие формы.

Но без повышения уровня доходов, без складывания академического класса, формируемого позитивным отбором и способного контролировать университетский менеджмент, ничего не получится. Но я бы не хотел, чтобы у нас создалось впечатление, что можно ограничиться университетами — хотя без университетов ничего не произойдет.

Итак: «что делать?»

Первое. Система формирования творческих личностей, от школы до университета. И для этого — обеспечение невырожденного качества образования.

Второе. Не менее важно обеспечить благоприятную среду для инновационного бизнеса и распространения инноваций. Это научные парки, бизнес-инкубаторы — как при университетах, так и при крупнейших предприятиях. Они должны предоставлять не только помещения и широкополосный Интернет, но еще и кредитные линии, юридическую поддержку и маркетинговые услуги. Титул собственности в такой системе оказывается распределен между многими игроками практически сразу — но интересы и усилия собственников совпадают на достаточно широком поле.

Третье. «Актуальное время» эксклюзивного использования титула (ноу-хау, патента, товарного знака) должно быть ограничено.

[1] К такой трансформации интеллектуальное производство, кстати, подталкивает и современный темп нововведений. Эта особенность имеет, кстати сказать, прямое отношение к нашей повседневной жизни. Начиная со второй половины прошлого века, зависимость нашего обыденного состояния от приращения знания в интеллектуальной сфере становится совершенно очевидной: мы живем в мире, в котором мы привыкли к постоянным изменениям и нововведениям. Это обнаруживается на самом элементарном уровне отношения к вещам: если раньше покупался монументальный буфет, переходивший затем от поколения к поколению, то сейчас мы покупаем предмет повседневного обихода для сравнительно краткосрочного использования — пока, например, не появится новая, более продвинутая модель мобильного телефона. Эта тяга к изменениям не имеет прямой связи с полезностью. Здесь работает, скорее, стилевая мотивировка, стремление к постоянному обновлению. — Примеч. ред.